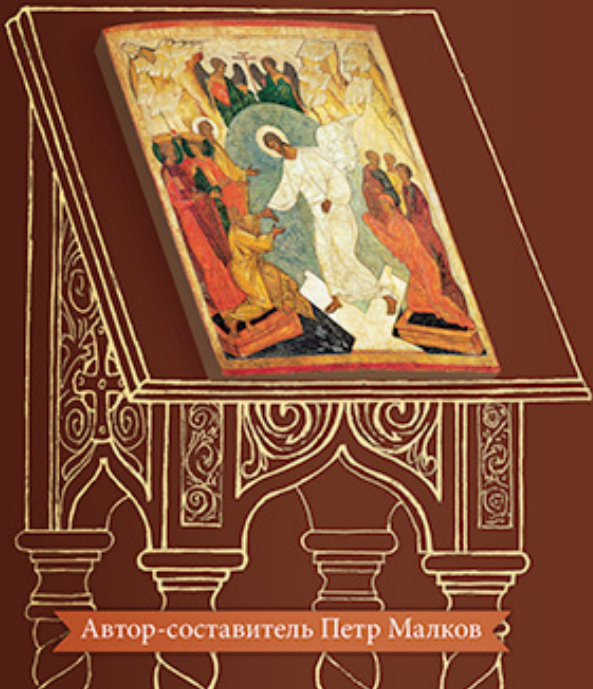

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКАХ

ПАСХА— Воскресение Христово

Автор-составитель Петр Малков

Антология
Петр Юрьевич Малков
Пасха – Воскресение
Христово. Антология
святоотеческих проповедей
Серия «Святые отцы о
церковных праздниках»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35488022

Пасха – Воскресение Христово. Антология святоотеческих проповедей:

Никея; М.; 2018

ISBN 978-5-91761-839-5

Аннотация

Антология святоотеческих творений на праздник Пасхи, а также на Великую Субботу включает произведения разных традиций и эпох, византийских, латинских и русских авторов – от святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста до Луки Крымского и Иоанна (Максимовича). Издание предваряет вводная статья П.Ю. Малкова, призванная в ясной и доступной форме познакомить читателя с важнейшими богословскими

и нравственными особенностями святоотеческого учения о духовном и нравственном значении евангельских событий.

Содержание

Петр Малков	6
Ночной путь	6
Великая Суббота: «во гробе плоти, во аде же с душою яко Бог...»	10
Воскресение Христово: «праздников праздник» и «торжество из торжеств»	19
Христианская Пасха: связь с событиями священной истории Ветхого Завета	28
Церковное празднование Великой Субботы и Воскресения Христова	32
Святоотеческие проповеди на Великую Субботу и на Воскресение Христово	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Сборник
Пасха – Воскресение
Христово. Антология
святоотеческих проповедей**

© ООО ТД «Никея», 2018

Петр Малков
«Праздников праздник»:
святоотеческие
пасхальные проповеди

Ночной путь

Все начинается с ожидания. Молитвенного ожидания чуда. Поначалу духовенство размеренно читает канон перед святой плащаницей; по окончании канона ее уносят в алтарь, полагают на престол. Вслед за этим затворяются царские врата, гаснет свет. И тогда весь храм, да и все мироздание, замирает в трепетном молчании. А затем из алтаря до благоговейно притихшей перед лицом наступающего чуда вселенной доносится пение. Напев поначалу звучит очень тихо, потом все яснее и настойчивей: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». И вот уже мягко и торжественно отверзаются царские врата, из полутьмы алтаря выступает мерцающий свет свечей и выплывает клубящийся туман кадильного дыма: начинается крестный ход – путешествие навстречу пасхальной радости. Радость эта уже по-

что наступила, но все же не совсем здесь: она впереди. Ведь пока что еще не прозвучало – громко и властно – исповедание Воскресения Спасителя. Это случится чуть позже: когда по окончании крестного хода возле затворенных храмовых дверей раздастся победоносное «Христос Воскресе!». А пока что мы выходим из храма в ночь.

Каково же духовное значение пасхального крестного хода? Ради чего мы в нем участвуем? Уподобляясь евангельским женам-мироносицам, мы переступаем порог и устремляемся в обступающую храм холодную темноту весенней ночи, чтобы отыскать на этом пути воскресшего Христа. Правда, в отличие от нас, мироносицы не догадывались о том, что должно было с ними сейчас случиться. Они шли горевать и плакать, а совсем не радоваться и веселиться; они ощущали лишь тяжесть утраты, а отнюдь не окрыляющую и праздничную легкость близящейся встречи с Господом. И все же оба шествия – путь жен-мироносиц на гроб Христов и наш пасхальный крестный ход – оказываются во многом очень похожи! Ведь та иерусалимская ночь была точно такой же темной, как и наша ночь пасхальная; и тогда светильники мироносиц точно так же упорно преодолевали обступавший их мрак, как изгоняется он и сегодня – силой пламенеющих свечей пасхального крестного хода...

Итак, идя на гроб Господа, мироносицы вышли из своих домов в предрассветную иерусалимскую ночь. Перед этим они приготовили ароматы, потеплее оделись и затем пере-

шагнули через порог в холодную тьму ранней весны. Рассвет уже близился, но еще не наступил, и даже вряд ли угадывался розоватой полоской на восточной стороне небосклона.

Мироносицы устремлялись за пределы городских стен, почти не ощущая приближения утреннего рассвета и не предполагая, что в этой непроглядной мгле наставал еще и новый восход духовного *Солнца правды* (ср. Мал. 4: 2) – Христа. Вглядываясь в сумрак обступавших их со всех сторон ночных теней, они отыскивали правильный путь по трудно узнаваемым – в отсутствие дневного света – улицам Иерусалима. *Сторож! сколько ночи? – Приближается утро, но еще ночь* (Ис. 21: 11, 12).

А впереди их ждал прегражденный камнем и плохо различимый – в сумраке занимавшегося рассвета – вход в пещеру. Этот вход должен был теперь внезапно осветиться Небесным светом... Впереди были и дрожь трепещущей от чуда Воскресения земли, и отпадение камня, и раскрытие входа в теперь уже пустую гробницу, и свидетельство небесного вестника: *Его нет здесь – Он воскрес* (Мф. 28: 6).

«Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить»... Мы тоже приближаемся ко входу. Правда, не в пещеру, а к храмовым дверям. Но как и тогда, в момент прихода мироносиц к запечатанной пещере, вход в храм – по существующему богослужебному обычаю – еще затворен. Однако перед ним уже ясно белеют в ночи ризы духовенства, по-

добные блистающим ризам небесного ангела, возвестившего о Воскресении. А это значит, что, как и тогда, на окраине Иерусалима, этот вход скоро отворится перед нами – под радостные возгласы «Христос Воскресе» – и мы сможем вступить в пространство церкви...

Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь (Мф. 28: 6), – слышат от ангела мироносицы и входят в тесную полутьму Христова гроба. Но там – лишь белеет опустевшее погребальное ложе и угадываются размытым серым пятном брошенные погребальные пелены...

Мы тоже, как и мироносицы, переступаем порог. Правда, в отличие от жен-мироносиц, тотчас же покинувших пустую гробницу, для того чтобы встретить снаружи Христа и услышать от Него *Радуйтесь!* (Мф. 28: 9), мы входим в храм, чтобы найти Господа именно здесь – в пасхальной литургии, в Евхаристии, в соединении с Ним через причащение Его Телу и Крови. И если жены-мироносицы в то утро Воскресения лишь припали к Его ногам, то мы дерзаем ныне совершить гораздо большее: принять Господа внутрь себя...

Церковные двери распахнуты, и крестный ход стремительным потоком вливается в храм. Вся церковь ярко освещена. Звучат песнопения пасхальной заутрени. Там, за пределами храмовых стен – по-прежнему холодная ночная темнота. Но здесь, в церкви, для нее уже нет места. *Ночь прошла, а день приблизился* (Рим. 13: 12)...

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Великая Суббота: «во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог...»

В Великую Субботу вспоминается погребение Господа, поставление римской воинской стражи у гроба Иисуса, а также сошествие Христа во ад, над которым Он ныне одержал победу и откуда вывел души уверовавших в Него умерших. Но главное, день Великой Субботы – это время явного предошущения близящегося Воскресения Иисуса.

Итак, снятое с Креста тело Господа было погребено верными Ему учениками Иосифом и Никодимом в пещере, находившейся посреди сада – неподалеку от места Распятия. К двери гроба был привален огромный камень. Вот как об этом говорится в Евангелии: *Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен (Ин. 19: 40–41). ...И, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился (Мф. 27: 59–60).*

В это время первосвященники и фарисеи пришли к Пилату. Они помнили о предсказании Господа воскреснуть в третий день и, считая, что готовится обман – похищение апостолами тела Христа и попытка распространить ложное из-

вестие о восстании Иисуса из гроба, – попросили прокуратора Иудеи опечатать пещеру погребения и приставить к ней стражу. Он согласился. *На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать (Мф. 27: 62–66).*

Когда тело Спасителя пребывало во гробе, Его человеческая душа сошла во ад, чтобы исполнить Божественное обетование о Спасении всех людей – в том числе и прежних умерших поколений праведников: всех тех, кто жил на земле еще до Боговоплощения. Тем самым исполнилось древнее пророчество псалмопевца царя Давида о сошествии души Господа во ад: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь. От того возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление, Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек (Пс. 15: 8–11).*

Ад оказался повержен, его прежде надежные запоры были

сломаны, крепкие двери – разбиты. Ныне сюда властно ворвалась реальность Богоприсутствия, своим небесным светом рассеявшая и уничтожившая непроглядную тьму преисподней. Дьявол, ранее властвовавший над всем пребывавшим во грехе человеческим родом, теперь эту власть утратил и обессилел. Смерть потеряла прежний образ существования: бывшая ранее непреходящей и беспробудной, она сделалась лишь временной, подобной недолгому сну, обреченной исчезнуть в грядущем всеобщем воскресении. Именно залогом и началом этого будущего всеобщего восстания из мертвых и должно было стать близившееся вслед за сошествием во ад Воскресение Сына Божия, Который, по слову апостола Павла, *есть... начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство* (Кол. 1: 18).

О событии совершившегося в Великую Субботу сошествия Христа во ад и о Его победе над дьяволом и смертью мы по преимуществу узнаем из церковного Предания, а также из православных богослужебных текстов. Так, например, в воскресной стихире на «Господи, воззвах» 2-го гласа Октоиха радостно поется: «Отверзошася Тебе, Господи, страхом врата смертная, вратницы же адовы видевшие Тя, убояшася: врата бо медная сокрушил еси, и верей железныя стерл еси, и извел еси нас от тмы и сени смертныя, и узы наша растерзал еси».

Здесь, пожалуй, следует чуть подробнее остановиться на глубоком богословском содержании одного из церковных

песнопений, касающегося события Смерти Господа и сошествия Его души во ад. В тропаре 1-й песни воскресного канона 4-го гласа Октоиха говорится, что соединение Божественной и человеческой природ в Господе было столь тесным, неразрывным и непреходящим (по православной догматической формулировке IV Вселенского Собора – «нераздельным» и «неразлучным»), что даже в состоянии смерти Его Божество не отделилось ни от лежавшего во гробе тела, ни от сходящей во ад души: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог». Да, в миг смерти Христа Его тело и душа, как и у всякого другого умирающего человека, друг от друга отделились. Но вместе с тем Его Божественная природа осталась соединенной и с плотью и с душой Спасителя. И потому-то Он сошел во ад не только как Человек, но и как Бог, преодолев и победив – Своими Божественной силой и властью – предельную и непобедимую, казалось бы, мощь преисподней, уничтожив долгую и безысходную власть смерти над всеми умершими.

Однако свидетельства об этом событии содержатся не только в ветхозаветных пророчествах и церковных песнопениях, но и в Новом Завете. Так, апостол Павел пишет к ефесянам, указывая на обстоятельства нисшествия Господа во ад: *посему и сказано: восшел на высоту, пленил плен и дал дары человекам. А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы на-*

полнить все (Еф. 4: 8–10).

А вот что говорит о сошествии Христа во ад апостол Петр: *Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал, некогда непокорным ожидавшие-му их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды* (1 Пет. 3: 18–20). В словах апостола Петра содержится важное свидетельство: Христос вывел из ада не всех людей, а лишь тех, кто подлинно услышал обращенное Христом к умершим слово проповеди о Нем, как о Сыне Божием и об их Спасителе. Он освободил из преисподней только тех, кто приняли Его свидетельство о евангельской истине; равно как и во дни Ноя спаслись только те, кто вошли в ковчег, все же остальные, не пожелав прислушаться к свидетельству праведника о скором смертоносном потопе, погибли. Тем самым Церковь парадоксальным образом, с одной стороны, свидетельствует о том, что в день сошествия Господа во ад его бездны опустели (как говорится в богослужебных песнопениях – «истощились»), а с другой стороны, устами апостола Петра утверждает, что Господь спас из преисподней далеко не всех. И как во дни Ноя спаслись от потопа лишь немногие, ибо абсолютное большинство живущих попросту не захотело услышать проповедь Ноя о грозящей им гибели, не поверило ему, так и теперь те умершие

грешники, что укрепились и укоренились в богопротивлении, в греховной вражде против Господа, не пожелали услышать Его спасительное слово даже в аду. Бог вообще никого не спасает насильно и потому в ответ на Свое намерение нас с Собою соединить всегда ожидает нашего встречного свободного стремления и решения: это же произошло и тогда – в Великую Субботу в аду, во время проповеди Христа душам умерших. Как говорит в «Толковании на 1-е Послание апостола Петра» святитель Кирилл Александрийский, Спаситель проповедовал в аду, чтобы освободить именно тех, «которые должны были уверовать». Христос вывел из ада души ветхозаветных праведников, пророков, трепетно и с надеждой ожидавших – по дарованным им Божественным обетованиям – пришествия в мир Христа. Но, возможно, среди них также были и другие. Ведь многие из живших на земле еще до явления в мире Христа – в эпоху власти над человеческим родом греха – могли быть внутренне готовы принять Спасителя и Его слово Истины, однако не оказались современниками Боговоплощения; не были они и обладателями ветхозаветного откровения, ибо принадлежали к языческим народам. И вот теперь Сам Христос проповедует им Себя в аду – как если бы они были еще живы. Святитель Кирилл пишет: «Единородный возвещал страждущим душам как власть имеющий в соответствии со словом Домостроительства, говоря: „Вы, что в узах, выходите! Вы, что во тьме, прозрите!“ Таким образом, Он и в аду проповедовал, что-

бы освободить тех, которые должны были уверовать, как если [бы] Он пришел к ним, воплотившись во время их жизни. Ибо они и в аду в совершенстве познали Его... Как всем на земле Христос возвещал через пришествие плотью и уверовавшие получили пользу, так и через сошествие в ад Он освободил от уз смерти уверовавших и познавших Его».

Однако в аду нашлись и такие грешники, которые в ответ на слово проповеди Спасителя могли сказать Ему: «А мы не желаем ни Твоего рая, ни спасения, ни вечного блаженства! Да, пребывать в аду – мучительно. Но еще более мучительным для нас окажется соединение с Тобой, ибо благодать Божия нам чужда и ненавистна, она будет терзать нас еще сильнее, чем любая – самая страшная – преисподняя мука!» Здесь ярко проявляет себя обратная сторона дара человеческой свободы, которым были наделены Богом люди при сотворении. Ведь это не только свобода устремленности к спасению, к стяжанию дара обожения, но и свобода к вражде и бунту против своего собственного Создателя... Ранее такая богопротивная свобода страшным образом явила себя в раю – в миг вкушения первыми людьми запретного плода от древа познания добра и зла. Но, вероятно, не менее зримо проявила она себя и в аду, когда в ответ на Христову жажду того, чтобы всякий человек оказался спасен, в ответ на слова проповеди Господа, говорившего: *не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33: 11), Он услышал от многих: «Ты – не наш

Бог. Ибо для нас – *нет Бога* (Пс. 13: 1)». Прежде, еще живя на земле, грешники крепко-накрепко утвердили эту лживую мысль внутри себя – *в сердце своем*; теперь же, встретившись лицом к Лицу с Самим Богом, они вызывающе и громко изрекли перед Ним эту дерзкую клевету: «вот Ты – перед нами, но для нас Ты не существуешь. Для нас – *нет Бога*»... И потому-то Господь – не только перед иудейскими старейшинами, не только перед лицом распинателей-римлян, но даже и в глубинах ада – может произнести: *отвсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины; за любовь мою они враждуют на меня* (Пс. 108: 3–4). Эту любовь Христову теперь распинают не только те, кто прибил Его к деревянному Кресту, но и те, кто даже в аду дерзает сказать Ему в ответ на Его жертвенное нисхождение в темную бездну: *у нас нет* и не может быть иного *царя, кроме кесаря* этой подземной бездны – сатаны (Ин. 19: 15). Тем самым, не приняв Христа, они подлинно стали, по слову Книги Премудрости, – теперь уже навсегда – *позором между умершими навек* (Прем. 4: 19).

И все же, вместе с сошествием во ад Христа и с исходом из него, как из нового Египта, всех спасаемых, преисподняя **полностью пустеет**. Не потому, что в ней вообще никого не осталось – грешники по-прежнему здесь. Но даже вместе с ними ад остается пуст, ибо в нем отныне пребывают лишь те, кто сами полностью духовно пусты: только те *сыны человеческие*, которые, по слову Псалтири, – *только суета; сыны*

мужей – ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты (Пс. 61: 10).

А из ада, оставляя позади прежние тьму и безысходность преисподней, устремляется ввысь – во Христе – к жизни райской сонм ветхозаветных праведников и пророков, а также иных, принявших Господа, поверивших Ему и в Него, душ, восходящих ныне в горняя, к незаходимому свету...

Воскресение Христово: «праздников праздник» и «торжество из торжеств»

Господь Иисус Христос воскрес на третий день после Своего Распятия, после Крестной Смерти. Положенный во гроб и погребенный, Он восстал из мертвых, как обещал и Сам – еще прежде Своего погребения, говоря: *Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть* (Лк. 24: 7). Это Воскресение совершилось Его Собственной Божественной силой. Об этом Господь также свидетельствовал перед иудеями, говоря *разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его* (Ин. 2: 19), при этом, конечно же, подразумевая *храм тела Своего* (ср. Ин. 2: 21).

Воскресение Христа из мертвых стало величайшим знамением Его Божественной славы. Ибо, по мысли святителя Кирилла Иерусалимского («14-е Огласительное слово»), ныне «воскрес Тот мертвый, Который *среди мертвых свободен* (Пс. 87: 6 по LXX¹), и Освободитель мертвых, на Которого

¹ То есть по Септуагинте, осуществленному в III веке до Рождества Христова в Александрии переводу Ветхого Завета с еврейского на греческий язык так называемых «Семидесяти толковников». Именно этим библейским текстом пользовались греческие святые отцы, его они цитировали в своих творениях и проповедях. Текст Септуагинты по своему содержанию заметно отличается от привычного нам библейского Синодального перевода XIX столетия, который был сделан не с греческого, а с еврейского – так называемого масоретского – библейско-

[прежде] в поругание, по долготерпению Его, возложен был венец терновый... Воскреснув теперь, [Он] увенчался диадемой победы над смертью».

В чем же заключается залог такой уверенности Господа в неизбежности Собственного Воскресения? Почему Христос должен был обязательно воскреснуть? Церковь предлагает нам свой глубокий богословский ответ. Как уже говорилось ранее, с момента Боговоплощения во Христе Его Божественная и человеческая природы оказались соединены нераздельно и неразлучно. Человеческое естество в Нем, в Его Ипостаси, уже никогда не могло отделиться от Его Божества, а Божество – от Человечества. Поэтому даже в состоянии смерти, в котором человеческая душа Господа отделилась от Его тела, и когда Его тело сделалось мертвым, Божественная природа Господа по-прежнему нераздельно и неразлучно пребывала и с Его душой, нисходившей во ад, и с его телом, лежавшим во гробе. Подобная неразлучность Божественного естества Господа с Его умершим человеческим естеством стала надежным залогом и Его последовавшего на третий день Воскресения из мертвых. Более того: именно это и сделало Воскресение Христа неизбежным. Ибо Его человеческая природа даже в состоянии смерти была нераздельно и неразлучно соединена в Нем с Его Божеством, имен-

го текста. По этой причине ряд ветхозаветных текстов, цитируемых греческими святыми отцами в их проповедях на Великую Субботу и на Воскресение Христово, приводится в этой книге не по Синодальному переводу, а по Септуагинте.

но как с самым абсолютным и совершенным Началом Жизни: ведь Бог и есть Сама Жизнь. Сын Божий – Который Сам есть *путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6) – по определению не мог надолго оставаться во власти смерти. Его Собственное – усвоенное Им в Воплощении и умершее на Кресте – человеческое естество неизбежно должно было быть воскрешено этой Божественной Жизнью, что и совершилось на третий день: Христос хотя и мог на время умереть, но не мог не воскреснуть.

Событие Воскресения Христова изображено у всех четырех евангелистов, но самый момент восстания из гроба Христа не описан никем из них. Ведь образ Воскресения Иисуса, тот способ, которым оно совершилось, – по убеждению церковных толкователей – тайна, не доступная человеческому разумению. Рассказы евангелистов о явлениях Христа по восстании из мертвых, а также о свидетельствах ангелов, благовествующих о Воскресении близким Ему людям – Богоматери, апостолам, женам-мироносицам, – свидетельствуют лишь о том, что Воскресение Господа подлинно совершилось, но каким образом оно совершилось – нам не открывают. Вот как, например, говорит о событии Воскресения Христова евангелист Матфей: *По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид*

его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женищинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь – Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня (Мф. 28: 1–10).

В событии Воскресения больше загадок, чем разгадок. Восставший из мертвых Иисус – в изображении евангелистов – сильно изменился после Воскресения, но вместе с тем это все тот же дорогой их сердцу Господь. Любящие ученики то не могут Его узнать – глаза их были удержаны, так что они не узнали Его (Лк. 24: 16), то вдруг радостно открывают, Кто предстает перед ними, – открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них (Лк. 24: 31). Воскресший Иисус проходит затворенными дверями, не подчиняясь более естественным пространственным законам: пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и

сказал: мир вам! (Ин. 20: 26). Но, в то же время, апостол Фома может ощупать Его раны: *потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20: 27–28).

Новозаветная христианская Пасха – важнейший из православных праздников, приобщающий верующих к Смерти и Воскресению Господа. Подобное приобщение дарует им залог будущей причастности тому нетленному и преображающему человеческое естество бессмертию, той вечной и благодатной жизни в Боге, к которым призваны все люди. Но этот залог – не только устремленность в будущее, надежда на грядущее, он еще и некое «обладание прежде обладания», дар, которым христианин призван пользоваться, хотя бы отчасти, уже сегодня, прежде кончины и задолго до общего воскресения в Судный день.

Благодаря смерти Христа совершается Его победа над адом, куда, по Преданию Церкви, Он сошел после Своего Распятия. Благодаря Воскресению Спасителя в Нем подлинно воскресает весь человеческий род, начинающий совершенно новую жизнь – жизнь во Христе. *Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми* (Рим. 14: 9). Христос Сам сделался нашим воскресением. Господь свидетельствует об этом, говоря: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня,*

если и умрет, оживет (Ин. 11: 25). В этом смысле Господь становится для людского рода его новым Родоначальником, Новым Адамом. Некогда древний Адам, прародитель всех живущих в мире падших людей, оказался причиной и основоположником всеобщей смерти. Теперь же Новый Адам, Христос, как Прародитель всего спасаемого человеческого рода, делается Родоначальником и Первенцем вечной жизни, побеждающей Им и в Нем силу смерти. *Первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба* (1 Кор. 15: 45, 47). Ибо как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: *первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его* (1 Кор. 15: 22–23).

Тем самым православное учение о Воскресении Христовом – важнейшая сторона христианской веры, дарующая твердую надежду на подобное этому Воскресению грядущее всеобщее воскресение умерших. Как утверждает апостол Павел, подчеркивая исключительное значение догмата Воскресения Христова в ряду православных вероучительных истин, *если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15: 14).

Итак, Церковь недаром убеждена в том, что Пасха – величайший из всех наших праздников, что она, по слову святителя Григория Богослова, – «праздников праздник и торжество торжеств». Вот как возвышенно прославляет Вос-

кресение Христово в «Слове Третьем на светоносный день» византийский монах Иосиф Вриенний (1359–1438): «Пасха – переход от мрака к свету; Пасха – исхождение из ада на землю; Пасха – восхождение от земли к небесному; Пасха – переход от смерти к жизни; Пасха – воскресение падших смертных; Пасха – воззвание изгнанных из Эдема; Пасха – освобождение плененных тлением; Пасха – подлинная жизнь верных; Пасха – наслаждение всего мира; Пасха – почитание Божественной Троицы. Именование Пасхи не пресыщает, потому что многообразна изъясляемая через него благодать: оно и отдохновение душ, оно – радость умов, оно – облегчение тел, оно – просвещение очей, оно – услаждение уст, оно – удовольствие, оно – теплота, оно – мир, оно – радость»...

Мы видим: по убеждению древних церковных писателей, с Воскресением Христовым людям вновь открывается утраченный в грехопадении путь к соединению с Богом, дорога к исполнению собственного предназначения – достижения богopodobия. Вновь изливается на человеческий род море Божественной благодати. Нам вновь открыт путь на Небеса.

Именно такой пасхальной радостью преисполнены богослужебные тексты Пасхи, прежде всего – ее канон и стихиры. Припомним же некоторые из них и почувствуем те удивительные величие и торжество праздника, которыми сияют эти прекрасные песнопения:

«Воскресения день, просветимся, людие. Пасха, Господ-

ня Пасха: от смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поюция» (ирмос 1-й песни Пасхального канона).

«Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь востание Христово, в немже утверждается» (1-й тропарь 1-й песни Пасхального канона).

«Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало, и играюще поем Виновнаго, Единого благословеннаго отцев Бога и препрославленнаго» (2-й тропарь 7-й песни Пасхального канона).

«Яко воистинну священная, и всепразднственная сия спасительная ночь, и светозарная, светоноснаго дне, востания сущи провозвестница: в нейже безлетный Свет из гроба плотски всем возсия» (3-й тропарь 7-й песни Пасхального канона).

«О Пасха велия и священнейшая, Христе! О мудросте, и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащатися, в невечернем дни Царствия Твоего» (2-й тропарь 9-й песни Пасхального канона).

«Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи, тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли, и упразднив смерть: Пасха нетления, мира спасение» (ексапостиларий Пасхи).

«Пасха священная нам днесь показася; Пасха нова святая; Пасха таинственная; Пасха всечестная. Пасха Христос Избавитель; Пасха непорочная; Пасха великая; Пасха верных.

Пасха, двери райския нам отверзающая. Пасха, всех освящающая верных» (1-я стихира Пасхи).

«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друга обыдем. Рцем братие, и ненавидящим нас простим вся Воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» (стихира Пасхи на «Слава, и ныне»)...

Христианская Пасха: связь с событиями священной истории Ветхого Завета

История возникновения праздника христианской Пасхи напрямую связана с иной пасхой – ветхозаветной, служившей, в понимании православных толкователей, прообразом важнейшего торжества новозаветной эпохи.

Ветхозаветная пасха – праздник, учрежденный в память об освобождении еврейского народа из египетского плена, где он находился в рабстве, будучи притесняем и исполняя самую тяжелую физическую работу.

Само слово «пасха» – еврейского происхождения и означает «прохождение мимо». Такое, на первый взгляд странное, значение этого слова делается понятным, когда мы обращаемся к книге Исход (см. Исх. 1–14). Ветхозаветный пророк и праведник Моисей, многие годы проживший в Египте, а затем получивший повеление от Бога вывести свой народ из плена, потребовал разрешения на такой «исход» евреев у египетского фараона. Фараон ответил отказом, и тогда Сам Господь наслал на Египет десять «казней» – великих бедствий, призванных вразумить правителя и заставить его отпустить еврейский народ. Последней из казней было уничтожение всех египетских младенцев-первенцев (старших сы-

новой).

В одну ночь ангел прошел по Египту и поразил всех первенцев – *от человека до скота* (Исх. 12: 12). Он *прошел мимо* (Исх. 12: 27) (отсюда и понятие «пасха») лишь тех домов, на дверях которых – по указанию Божию – евреи сделали особый знак. Господь повелел им выбрать для каждой семьи однолетнего ягненка, заколоть его, испечь, а затем есть с пресным хлебом и горькими травами, не ломая при этом его костей. Кровью ягненка, «агнца», и надлежало помазать косяки и перекладины дверей.

После гибели египетских первенцев фараон был вынужден отпустить еврейский народ из рабства. Правда, затем он раскаялся в своем поступке и стал его преследовать. Однако войско фараона погибло в пучине Красного моря: воды моря расступились, пропустив Моисея и его народ, а затем сомкнулись и поглотили египтян (см. Исх. 14).

День освобождения из рабства евреи много столетий праздновали с именовани^{ем} «пасхи». Каждый год в один и тот же день – 14 авива, или нисана – в еврейских семьях приготавливался жертвенный агнец, съедавшийся с пресным хлебом, горькими травами, сладким фруктовым салатом и вином. При этом читались псалмы и особые благодарственные молитвы, а старший член семьи рассказывал младшим об исходе из Египта. Тот же обычай был исполнен и Христом вместе с учениками-апостолами: известная Тайная Вечеря была именно такой ветхозаветной пасхальной трапезой,

но восполненной Спасителем установлением на ней таинства Евхаристии.

По еврейскому обычаю празднование пасхи продолжалось в течение семи дней.

Все важнейшие черты ветхозаветного торжества понимаются новозаветными толкователями как прообразы событий, исполнившихся с Воплощением Христа. Так, пасхальный агнец, кровью которого еврейские первенцы оказались избавлены от смерти, прообразовывал Самого Христа, Агнца Божьего, берущего на Себя грехи мира; кровью этого нового Агнца – Сына Божьего – все верующие в Него подобным же образом избавляются от вечной смерти. Кости еврейского пасхального агнца не позволялось ломать – точно так же не были перебиты римскими воинами и голени Спасителя, умершего прежде, чем солдаты могли это сделать (преломив голени распятого на кресте, можно было ускорить его кончину – см. Ин. 19: 31–37). Наконец, хлеб и вино еврейской пасхи прообразовали собою евхаристические Хлеб и Вино. Сама же еврейская пасха в целом стала прообразом Пасхи новозаветной – как избавления всего мира от рабства греху и смерти: как некогда смерть миновала еврейские жилища в Египте, а сами евреи получили долгожданную свободу, так и Воскресение Христово (новозаветная Пасха) освободило людей от рабства злу, ибо вечная смерть миновала и оказалась повержена Вечной Жизнью – Христом.

Иисус умер на Кресте в тот самый день, когда евреи тради-

ционно закалывали своего пасхального агнца, а воскрес, когда первый и важнейший день празднования пасхи уже миновал: именно поэтому христианская Пасха – по решению церковных соборов – не должна совпадать с днем еврейской пасхи, а соотнесена с первым воскресным днем после весеннего полнолуния.

Церковное празднование Великой Субботы и Воскресения Христова

Праздник Воскресения Христова занимает центральное место как в ряду годовых Господских праздников, так и всех праздников годового круга в целом.

Изначально в Древней Церкви празднование Пасхи было посвящено сразу и прославлению Страстей Господа, и Его погребению, и радости о Его Воскресении. Затем Церковь установила накануне дня Воскресения Христова богослужбное воспоминание евангельских событий Великой Субботы.

В древности христианская Пасха праздновалась различными Поместными Церквами в разные дни, что стало причиной напряженных споров и дискуссий. По малоазийской традиции (принятой поначалу у всех христиан православного Востока) Пасха была привязана к постоянной дате – 14 нисана, дню пасхи иудейской, когда, как это следует из рассказа евангелиста Иоанна, и произошла Смерть Спасителя. Начиная со II века праздник как бы «разделился» на два, каждый из которых именовался Пасхой: Пасха Страстей и Пасха Воскресения. Первая Пасха проводилась в скорби и строгом посте, вторая – в радости. Первая Пасха и вторая (праздновавшаяся пятьдесят дней, включавшая в себя Вознесение и заканчивавшаяся воспоминанием схождения Святого Ду-

ха на апостолов, почему и именовалась первоначально Пятидесятницей) вместе образовывали целый цикл празднеств и торжеств.

Вскоре после того, как было установлено воспоминание события Воскресения Христова, возникло сомнение в возможности праздновать Пасху в один день с иудеями. С конца II и в течение всего III века идут «пасхальные споры» между малоазийскими епископами и Римом, где Пасха праздновалась в первый после полнолуния воскресный день. На I Вселенском Соборе в Никее в 325 году было постановлено повсеместно праздновать Пасху непременно раздельно с иудеями и обязательно в воскресный день, следующий за полнолунием. Примерно в это время Пасха Страстей и Пасха Воскресения вновь образуют единый цикл. Вместе с тем именование Пасхи теперь начинает относиться лишь к празднику Воскресения Христова. С каждым веком этот праздник отмечался все более и более торжественно.

Непременным условием празднования Пасхи издревле считалось всенощное бдение – богослужение, продолжавшееся всю ночь. Такой обычай был связан с представлением, что Второе Пришествие Христово может совершиться именно в святую пасхальную ночь. Ночь, в которую Господь воскрес после Своих страданий, в раннехристианском сознании соединялась с ночью, когда Христос должен был воцариться во вселенной. Постепенно подобное эсхатологическое (связанное с ожиданием Второго Пришествия) ощущение содер-

жания праздника утратилось, однако сама форма всеобщего бдения сохранилась. И ныне пасхальная служба – это, прежде всего, ночная служба.

Поначалу именно в пасхальную ночь совершалось массовое крещение оглашаемых, соединявшееся с чином пасхальной Божественной литургии. Однако постепенно практика массового крещения сместилась с пасхальной ночи на богослужение Великой Субботы. В Древней Церкви с III века этот обычай практиковался уже в Риме и в Северной Африке, с IV века – в Иерусалиме, позднее – в Константинополе. Например, в Константинополе массовое крещение в Великую Субботу совершалось самим патриархом в специальном сакральном помещении – баптистерии, в то время как верующие в храме выслушивали пятнадцать продолжительных паремийных чтений из Ветхого Завета (они звучат в наших храмах и сегодня за богослужением Великой Субботы). Во время пятнадцатой паремии патриарх с новокрещеными – с пением «Елицы во Христа креститесь..» – приходили к храмовым дверям, где совершалось миропомазание, после чего новые христиане входили в церковь, участвовали в Божественной литургии и впервые причащались Святых Христовых Таин...

Важнейшими богослужебными текстами церковных служб Великой Субботы и Пасхи являются их *тропари* и *кондаки*.

В богослужении Великой Субботы присутствуют три ее

тропаря.

Первый тропарь Великой Субботы: «Благообразный Иосиф, с Древа снем Пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями во гробе нове покрыв, положи». Его перевод: «Благообразный Иосиф, сняв с Креста пречистое Твое Тело, обвил плащаницей и, благоуханиями умастив, положил в новом гробе».

Второй тропарь Великой Субботы: «Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества. Егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе». Его перевод: «Когда Ты вкусил смерти, о Жизнь бессмертная, тогда Ты Своим Божественным светом умертвил ад. Когда же Ты воскресил мертвых в преисподней, все небесные силы воззвали: Жизнодавец Христе Боже наш, слава Тебе!»

Третий тропарь Великой Субботы: «Мироносицам женам при гробе представ ангел вопияше: мира мертвым суть прилична, Христос же истления явися чужд». Его перевод: «Ангел, представ женам-мироносицам у гроба, воскликнул: миро требуется мертвым, а Христос не подвергся тлению».

Кондак Великой Субботы: «Бездну Заключивый мертв зрится и, сминою и плащаницею обвився, во гробе полагается, яко смертный, Безсмертный, жены же приидоша помазати Его миром, плачущия горько и вопиющия: сия суббота есть преблагословенная, в нейже Христос уснув, воскреснет

тридневен». Его перевод: «Бездну Заклучивший лежит пред нами мертвым и, полотном со смироною обвитый, в гробнице полагается как смертный – Бессмертный. Жены же пришли помазать Его миром, плача горько и взывая: эта суббота – преблагословенна, та самая, когда Христос уснул, чтобы на третий день воскреснуть».

Тропарь праздника Пасхи: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Его перевод: «Христос воскрес из мертвых, смертию победил смерть и находящимся в гробах даровал жизнь».

Кондак праздника Пасхи: «Аще и во гроб снизшел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу и воскресл еси яко победитель, Христе Боже, женам мироносицам вещавый: радуйтеся, и Твоим апостолам мир даруяй, падшим подаяй воскресение». Перевод кондака: «Хотя Ты, Бессмертный, и сошел во гроб, но уничтожил силу ада и воскрес победителем, Христе Боже, сказав женам-мироносицам: радуйтеся, и Твоим апостолам даровал мир; падшим [во грехи] подаешь воскресение».

Самым замечательным богослужебным текстом Великой Субботы, безусловно, является читаемый на утрене знаменитый канон «Волною морскою...» – творение Косьмы Маюмского (VII–VIII века), Марка, епископа Идрунтского (VIII век), и инокини Кассии (IX век); основное содержание канона – те скорбь и ужас, которыми было охвачено все творение при виде умершего Сына Божия.

Отмечу, что удивительно радостные и светлые пасхальные песнопения ночной службы Воскресения Христова по большей части принадлежат перу преподобного Иоанна Дамаскина (VIII век).

Святоотеческие проповеди на Великую Субботу и на Воскресение Христово

Вполне очевидно, что оба события священной истории – свершившееся накануне Пасхи сошествие Христа во ад и Его Воскресение из мертвых – друг с другом неразрывно взаимосвязаны. Именно поэтому в этой книге публикуются не только собственно пасхальные святоотеческие проповеди, посвященные событию Воскресения Господа, но также и несколько гомилий на Великую Субботу. Тем более что и в пасхальных гомилиях тема победы Господа над диаволом, смертью и адом, совершившейся в священной истории именно в Великую Субботу, является одной из центральных, быть может, не менее обсуждаемой, чем последовавшие за Восстанием Христа из мертвых Его явления апостолам и женам-мироносицам. Святоотеческие проповеди помогают нам постичь подлинное спасительное значение для человеческого рода Искупительной Жертвы Христовой, Его Крестной Смерти, нисхождения во ад, совершившейся здесь победы над диаволом, грехом и смертью, освобождения из преисподней душ праведников, а также трехдневного Восстания Сына Божия из гроба к жизни.

Среди сказанных в Великую Субботу святоотеческих про-

поведей, пожалуй, наиболее известны и интересны гомилии святителя Амфилохия Иконийского (произнесена во второй половине IV столетия), преподобного Иоанна Дамаскина (первая половина VIII века), святителя Фотия, патриарха Константинопольского (867 год), святителя Григория Паламы (1351–1357 годы; по сути – богословский трактат о смысле совершенного Христом Искупления), а также византийская гомолия, приписываемая авторству святителя Епифания Кипрского (создана в конце VII–VIII столетии).

Святоотеческие проповеди на саму Пасху невероятно многочисленны. Назову лишь некоторых из авторов наиболее значимых гомилий: святители Мелитон Сардский (его пасхальная гомолия произнесена во II веке), Григорий Богослов («Первое слово на Пасху», вероятно, прозвучало в 362 году, а «Сорок пятое слово на Пасху» – после 381 года), Григорий Нисский (последняя четверть IV столетия), Амфилохий Иконийский (последняя четверть IV столетия), Иоанн Златоуст (публикуемое «Слово на Святую Пасху» сказано между 386 и 397 годами), блаженный Августин (конец IV – первая четверть V столетия), преподобный Исихий Иерусалимский (начало V века), святители Максим Туринский (конец IV – первая четверть V века), Прокл Константинопольский (вторая четверть V столетия), Лев Великий (середина V столетия), Петр Хрисолог (вторая четверть V столетия), преподобные Феодор Студит (первая четверть IX века) и Симеон Новый Богослов (конец X – начало XI столетия). Нель-

зя не упомянуть и русских святых отцов – авторов замечательных проповедей на Святую Пасху: святителя Кирилла Туровского (произнесена в третьей четверти XII столетия), святителя Филарета Московского (публикуемая здесь проповедь прозвучала в 1822 году), святого праведного Иоанна Кронштадтского (90-е годы XIX столетия) и святителя Луку Крымского (печатаемая пасхальная проповедь сказана в 1945 году).

Конечно же, в этой книге собраны далеко не все из выдающихся святоотеческих проповедей на Великую Субботу и на Пасху. Ограниченный объем этой антологии просто не позволил бы осуществить подобное. Кроме того, многие из интересных и ярких гомилий еще не переведены на русский язык, а потому и не доступны для публикации. Однако читатель этой книги все равно, безусловно, откроет для себя удивительную сокровищницу христианского духовного опыта. Он сможет ощутить – при посредстве живого и богословски глубокого святоотеческого слова – реальные и спасительные плоды святой Крестной Жертвы Христовой, познать глубинную суть победы Сына Божия над смертью и адом, лично пережить, как бы со-восставая со Христом и во Христе из гроба, величие и животворящую силу Его Пасхи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.